

После Первого общероссийского совещания «Структура и содержание подготовки переводчиков»

И.М. Матюшин

Высшее образование имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации.

(Статья 69, п.1 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»)

Переводчик — древняя профессия, и об этом все знают со времен Вавилонского столпотворения. Впрочем, не только профессия, но и ремесло, искусство, призвание, увлечение, занятие и т.д. И все же главное слово — профессия, а профессией нужно овладевать, профессии нужно учить. Сегодня нам сложно судить о том, как овладевали своей профессией толмачи Посольского приказа на Руси в XVI веке. Можно только предположить, что не было у них ни переводческих факультетов, ни учебных планов, ни УМКД, ни государственных образовательных стандартов. Все перечисленное — реалии современные, появившиеся совсем недавно.

И в России, и в других странах вузовская система подготовки профессиональных переводчиков начала формироваться после Второй мировой войны. В середине прошлого века в нашей стране уже существовала замечательная школа художе-

ственного и устного перевода, что являлось благодатной почвой для обучения будущих переводчиков. Однако диплом переводчика оставался редким явлением, выдавали его всего лишь несколько советских вузов, да и о полноценном признании перевода как отдельной профессии говорить было еще рано: в советское время он был лишь квалификацией в рамках специальности «Иностранные языки».

Во второй половине 80-х годов прошлого столетия Минвуз СССР начал создавать Учебно-методические объединения (УМО) вузов в профессиональных областях. Шаг абсолютно логичный: создать площадку (говоря современным языком) общения, обсуждения проблем, поиска решений и координации для вузов, выдающих одинаковые дипломы, но расположенных часто в разных уголках необъятной страны. 16 декабря 1987 г. вышел приказ № 852 о создании Учебно-методического объеди-

нения вузов по иностранным языкам на базе Московского государственного института иностранных языков имени Мориса Тореза, в состав которого вошли два десятка вузов, добрая половина которых – из союзных республик. В первые годы своего существования УМО предоставляло простую возможность для профессионального общения, в 90-е годы пережило шок от распада Советского Союза, а затем постепенно приспособлялось к новым условиям, его роль резко возросла в 2000-е годы.

Воспоминания о событиях, происходивших в высшей школе на протяжении первого десятилетия нового века, еще свежи в памяти. Для подавляющего числа российских вузов речь шла об элементарном выживании. Руководство вузов видело лишь один выход: открывать модные у абитуриентов (читай – их родителей) специальности и таким образом повышать статус своего заведения, одновременно зарабатывая средства для существования. Диплом переводчика как раз попал в число престижных, уступая, пожалуй, лишь пресловутым дипломам экономиста и юриста. К тому же как раз в 2000 году случилось судьбоносное событие: в утвержденном Министерством образования Государственном образовательном стандарте второго поколения впервые появилась отдельная специальность под названием «Перевод и переводоведение», освоение которой давало право на получение диплома профессионального переводчика с квалификацией «Лингвист, переводчик». Получение лицензии, дающей право обучать студентов по этой специальности, стало желанной целью для руководства десятков (если не сотен) российских вузов. В первых рядах оказались педагогические институты всех крупных городов (к тому времени, как правило, успевшие стать университетами), поскольку еще с советских времен они имели в своем составе факультеты иностранных языков, вы-

пускавшие учителей иностранного языка. Проблема как раз заключалась в том, что в 2000-е годы лишь редкие представители подрастающего поколения мечтали стать учителем, предпочитая скромную карьеру бизнесмена. Конкурс в педвузы резко упал, и открытие подготовки переводчиков (профессии, овеянной в глазах абитуриентов ореолом некоей романтики, гламура, успеха и дальних странствий) виделось как спасительная соломинка. Аналогичной была ситуация в классических университетах с их факультетами романо-германской филологии (романо-германских языков, филологическими факультетами и т.п.). Руководство и многих технических университетов взяло курс на превращение своих вузов в классические многопрофильные заведения, а открытие подготовки профессиональных переводчиков на базе межкафедретских кафедр иностранных языков было одним из средств достижения этой цели. Если учесть, что в каждом областном и республиканском центре в советские времена имелась неизменная тройка вузов – классический университет, пединститут и политех, а потом помножить цифру три на количество субъектов Российской Федерации, мы получим примерное количество вузов, стремившихся открыть подготовку переводчиков. Наконец, именно в этот период появилось огромное количество частных вузов с их джентельменским набором специальностей, в который обязательно входили дипломы экономистов, юристов и переводчиков, а в названии вуза, как правило, присутствовало слово «международный».

Однако вернемся к роли УМО, успешного за этот период дважды сменить название: сначала на УМО по лингвистическому образованию, а затем на УМО по образованию в области лингвистики. Основной задачей, стоявшей изначально перед объединением вузов, являлась координация

Подготовка переводчика

образовательной деятельности путем выработки единых взглядов и подходов к учебным планам, программам, критериям качества в конкретной профессиональной области. С появлением в середине 1990-х годов понятия «образовательный стандарт» именно УМО являлось разработчиком и держателем этих стандартов. Однако в 2000-е годы у УМО была и еще одна важнейшая функция — экспертная. В соответствии с введенным Министерством образования порядком, к комплексу документов, который вуз представлял для получения лицензии на ведение образовательной деятельности по конкретной специальности, должно было быть приложено положительное заключение Экспертного совета профильного УМО. Таким образом, прежде чем лечь на стол министерских чиновников, учебные планы, рабочие программы учебных дисциплин, сведения о преподавательском составе и т.д. поступали в УМО и изучались ведущими экспертами. Сегодня, по прошествии определенного количества лет, можно откровенно поговорить о том, как это было.

Существует расхожее мнение, что в тот период Министерство раздавало лицензии вузам направо и налево. Автору статьи неизвестно, насколько такие утверждения соответствуют действительности. Что касается Экспертного совета УМО, его заключения направо и налево никто не выдавал. Существовала достаточно хорошо отработанная система изучения документации вуза, в которой принимала участие целая группа ведущих экспертов. На эту работу отводилось два месяца. Казалось бы, все просто: если содержание учебно-методического обеспечения и других документов удовлетворяет требованиям, составляется положительное заключение, и получение лицензии становится для вуза делом техники. На практике же наблюдалась довольно печальная картина, вытекающая из описанной выше ситуации.

Вспомним, что в советские времена лишь несколько вузов обучали профессиональных переводчиков. Теперь же их оказалось добрых две сотни. Как и следовало ожидать, содержание учебных планов и особенно рабочих программ, как правило, повергало в шок наших экспертов (в своих отзывах они предпочитали более мягкое выражение «вызывает недоумение»). В этом не стоит обвинять наших коллег, не стоит возмущаться или иронизировать. По-другому просто и быть не могло. Ну не мог преподаватель педвуза, всю жизнь обучающий иностранному языку будущих учителей и сам закончивший тот самый педвуз, грамотно составить программу по практике перевода! В списках преподавательского состава также невозможно было найти людей, получивших диплом профессионального переводчика или занимающихся переводческой практикой.

Что нужно было делать в этой ситуации? Конечно, отказывать. Только... Документацию вузов представляли в УМО, как правило, деканы факультетов. Интеллигентные, образованные, все понимающие люди. Наши коллеги. Жертвы обстоятельств. Некоторые из них честно признавались: «Ректор мне сказал: поезжай в Москву, привози заключение УМО. Иначе уволю». Можно было отказать, впрочем, Экспертный совет и отказывал. Однако было понятно, что УМО не может служить железным барьером, и вуз сделает все возможное, чтобы получить вождеденную лицензию не мытьем, так катаньем. Именно поэтому часто выбирался другой путь: заключение УМО завершалось отрицательным выводом, но одновременно формулировались рекомендации: что и как нужно исправить. Что греха таить, иногда приходилось подробно объяснять, что такое перевод, как ему учат, и что для этого нужно. Автор не помнит случая, чтобы по итогам экспертизы документов какого-либо вуза сразу было выдано положительное заключение. Напротив, были случаи,

когда это происходило с четвертой и даже пятой попытки. Это была долгая, кропотливая и психологически тяжелая работа. Можно себе представить, какой нагрузкой она ложилась на простых преподавателей, кафедры и факультеты. Однако эта работа имела смысл, ибо в конце неоднократно звучала фраза «Спасибо вам за неоценимую помощь». Некоторые вузы удалось убедить в том, что они никак не готовы обучать переводчиков, и к их чести они согласились с этим. Некоторым вузам, особенно негосударственным, пришлось жестко отказать. К 2010 году примерно 120 российских вузов получили лицензию на подготовку профессиональных переводчиков. Эта цифра поражает, но смею думать, что, если бы не деятельность Экспертного совета УМО в тот период, их число перевалило бы за 200.

Вузы, открывшие подготовку переводчиков, естественным образом вступали в состав УМО. В 2013 году в УМО по образованию в области лингвистики входили 207 российских вузов (реализующих любые лингвистические образовательные программы). Расширенные заседания Совета УМО проходили в разных городах России, собирали до 150 участников и позволяли обсуждать самые насущные проблемы, делиться опытом, принимать решения, «сверять часы», намечать планы на будущее. Последнее заседание Совета УМО состоялось в октябре 2013 года в Челябинске на базе Челябинского государственного университета. Участники этого заседания еще не знали, что они собрались в последний раз. Напротив, разговор как раз шел о том, что мы постепенно приближаемся к созданию единого лингвистического образовательного пространства на территории России. Были уточнены границы региональных отделений УМО, принято решение о создании Уральского и Северо-Западного региональных центров. Структура УМО позволяла работать сообща и действовать в одном направлении. Однако ...

С 2014 года Минобрнауки начал процесс, официально именуемый «Формирование новой системы УМО», а на практике упразднивший всю систему УМО, существовавшую с советских времен. Взамен была создана (во всяком случае, на бумаге) трехуровневая структура, состоящая из отдельных представителей отдельных вузов, в компетенции и профессионализме которых сомневаться не приходится. Однако было потеряно ключевое слово — «объединение». Новая структура хоть и называется, по-прежнему, объединением, но объединяет лишь группу специалистов, а никак не вузы. По случайному (или не очень) совпадению, решение Министерства о ликвидации профессиональных объединений в сфере образования было принято как раз в тот момент, когда вся отечественная высшая школа переходила на двухуровневую систему подготовки «бакалавр + магистр», перекраивались многолетние традиции непрерывного пятилетнего высшего образования, и потребность в согласовании новых образовательных программ ощущалась как никогда остро. Все произошло с точностью наоборот: в течение нескольких лет в России не было площадки, на которой могли бы вместе собраться руководители лингвистических факультетов, кафедр, ведущие преподаватели и обсудить общие проблемы, а главное — не стало координирующего центра общей деятельности в виде базового вуза УМО (на протяжении всех лет таким вузом был МГЛУ).

После нескольких лет безвременья, в марте 2017 года такая возможность появилась благодаря прекрасной инициативе Переводческого факультета Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова, создавшего Первое общероссийское методическое совещание «Структура и содержание подготовки переводчиков» и лично председателя правления Союза переводчиков В.В. Сдобникова. Собственно, речь идет о

Подготовка переводчика

попытке заполнить вакуум, образовавшийся после упразднения УМО. Очень показательно, что на совещание приехали многие участники прежних заседаний Совета УМО практически со всех уголков России. Это была трогательная, теплая встреча давних коллег, но значительно важнее было послушать выступления и понять, куда же зашла система подготовки переводчиков в нашей стране. И вновь хочется поблагодарить коллег из НГЛУ, проделавших колоссальную работу по подготовке совещания. Профессор О.В. Петрова провела анализ учебных планов и рабочих программ около 50 вузов, в которых обучаются бакалавры лингвистики по профилю «Перевод и переводоведение». Если коротко про впечатление — так дальше жить нельзя. Доклад периодически сопровождался оживлением в зале, а несколько раз и смехом. Как, например, можно прокомментировать поддержку из учебного плана одного из вузов, предлагающего начинать обучение практике перевода с первого курса, а сама дисциплина скромно называется «Синхронный перевод»? Участники совещания также узнали, что в российских вузах студентов учат не только синхронному переводу, но и литературному переводу, поэтическому переводу, научно-техническому переводу и т.д. При этом речь идет о бакалаврах лингвистики со сроком обучения 4 года и параллельным изучением иностранных языков! Были также отмечены колоссальные расхождения в объеме теоретических и практических дисциплин, в их содержании и последовательности в процессе обучения. Другими словами, каждый вуз пытается обучать каких-то своих особых бакалавров в области перевода по своему собственному разумению, часто не только вопреки отечественным и мировым традициям, но и вопреки здравому смыслу. Однако все это изложено на бумаге, которая, как известно, все стерпит. А что же в результате, кем являются наши выпускники, получающие диплом переводчика?

Весьма показательны итоги переводческих студенческих конкурсов, которые ежегодно проводятся вузами и переводческими компаниями. О.В. Петрова подробно рассказывает о ежегодном конкурсе письменных переводов в МГЛУ в своей статье «Конкурсы письменного перевода как зеркало наших проблем». Доцент МГЛУ И.В. Зубанова познакомила собравшихся со своими впечатлениями от конкурса устных переводов. Печальным фактом является то, что немало студентов, заявившихся на этот конкурс, просто отказываются в нем участвовать после того, как узнают про условия. Выясняется, что они никогда не слышали про последовательный перевод, никогда не держали в руках переводческий блокнот и не знакомы с основными принципами переводческой скорописи, никогда не тренировались осуществлять перевод публично, зато на практических занятиях по устному переводу занимаются переводом стихов или бессмысленных искусственных фраз из учебников по иностранному языку.

Первое всесоюзное методическое совещание завершилось обсуждением и принятием рекомендаций совещания. Этот текст, состоящий из 10 пунктов, представляет собой своего рода ликбез для вузов, готовящих переводчиков. Каждый из пунктов призван предостеречь составителей учебных планов и программ от, извините уж за выражение, явной глупости. Например, авторы текста не советуют планировать изучение практического курса перевода с первого курса. Казалось бы, в каком воспаленном мозгу может родиться мысль об обучении переводу при практически нулевом знании иностранного языка? Однако же некоторые учебные планы некоторых вузов свидетельствуют об обратном. Было даже предложение включить следующую рекомендацию: курс синхронного перевода не должен опережать основные курсы практики устного и письменного перевода.

Однако в конечном варианте этот пункт был исключен, поскольку участники совещания совершенно справедливо указали на то, что ни о каком обучении синхронному переводу студентов-бакалавров не может быть речи.

Пришло время сделать некоторые выводы:

1. В современной системе российского высшего образования отсутствуют единые подходы к подготовке профессиональных переводчиков. Автору статьи неизвестна актуальная статистика, но по всей видимости, в настоящее время количество вузов, действительно предлагающих обучение переводу, значительно меньше количества вузов, имеющих на это образовательную лицензию. И тем не менее, это количество превышает все разумные пределы. Главной проблемой вузов, сравнительно недавно открывших подготовку переводчиков, является отсутствие опыта и традиций в области обучения профессиональному переводу и, как следствие, отсутствие квалифицированных преподавателей (прежде всего, занимающихся практикой перевода или имеющих такой опыт), способных на должном уровне преподавать практику и теорию перевода. Для этих вузов жизненно необходимым является постоянный профессиональный диалог с ведущими российскими центрами обучения переводу.

2. В результате реформ, проведенных Министерством образования и науки в последние годы, в системе российского лингвистического образования сложилась крайне запутанная ситуация. Одновременно существуют три образовательные программы высшего образования, направленных на обучение переводу: 45.03.02 «Лингвистика» (бакалавриат) – 4 года обучения, 45.04.02 «Лингвистика» (магистрату-

ра)» – два года обучения и 45.05.01 «Перевод и переводоведение» – 5 лет обучения.

Бакалавры лингвистики обучаются переводу в рамках профиля «Перевод и переводоведение». Парадоксальность ситуации заключается в том, что понятие профиля обучения бакалавров не является строго обязательным. Автору, в бытность деканом Переводческого факультета МГЛУ, пришлось воочию наблюдать последствия этой ситуации во время прошлогодней приемной кампании в магистратуру. Выпускники бакалавриата некоторых (даже московских) вузов представили дипломы, по которым было невозможно определить не только профиль обучения, но даже изучаемые иностранные языки, ибо в дипломе была указана квалификация «бакалавр лингвистики», а в приложении к диплому были указаны оценки за первый и второй иностранный язык. Абсурдность ситуации как раз в том, что, оформляя диплом и его приложение таким образом, вуз никак не нарушает установленные Министерством правила. Интересно и то, что порой беседа с абитуриентом не сильно вносила ясность: на вопрос, чему же он(она) обучался(ась) в течение четырех лет, следовал ответ: иностранным языкам. Конечно, по-прежнему остается нерешенным вопрос о том, насколько бакалавр лингвистики с переводческим профилем может считаться готовым к трудовой деятельности переводчиком, и насколько потенциальные работодатели готовы принимать на работу таких выпускников.

Магистратура по направлению «Лингвистика» изначально должна быть направлена на подготовку переводчиков высшей квалификации на базе бакалаврского образования. Также очевидно, что высококачественное

Подготовка переводчика

обучение магистров перевода способны обеспечить только вузы с давними традициями и высококвалифицированными преподавателями, являющимися специалистами в соответствующей области. Наконец, открытие определенной магистерской программы, направленной, скажем, на письменный перевод в специальной области или конференц-перевод, возможно только после тщательного изучения рынка и потребностей работодателей. Возьмем на себя смелость предположить, что ни одно из этих условий в полной мере не выполняется: сегодня магистратуры лингвистики открыты повсеместно, и порой даже на филологических факультетах. Каких магистров и для кого готовят эти заведения – большая загадка, требующая как минимум изучения и систематизации.

В годы кардинальной перестройки высшего образования усилиями нескольких ведущих вузов удалось отстоять пятилетнее обучение по специальности «Перевод и переводоведение». На Переводческом факультете МГЛУ для студентов этой специальности предусмотрена специализация «Лингвистическое обеспечение военной деятельности», что позволяет называть их в народе «военными переводчиками». На самом деле речь идет об образовательной программе сугубо гражданской, финансируемой из бюджета Министерства образования и науки и по своей структуре и содержанию продолжающей традиции пятилетнего высшего образования прежних времен. Что касается специализации на военное дело, ее выбор в свое время, во-первых, позволил отстоять сохранение пятилетней программы, а во-вторых, позво-

лил сохранить в вузе военную кафедру. Формально специализация могла бы быть любой, например, в нефтегазовой сфере. Сохранение пятилетней программы, безусловно, можно только приветствовать, однако ее существование параллельно с программами бакалавриата и магистратуры вносит сумятицу в головы абитуриентов и их родителей: вопрос о том, в чем разница между бакалавриатом и специалитетом по переводу – самый частотный вопрос во время приемной кампании. Однозначного ответа на него нет.

3. Логика принятого Министерством решения о ликвидации всех Учебно-методических объединений вузов как раз в период радикальной ломки всей структуры высшего образования плохо сочетается со здравым смыслом. В одночасье вузы, готовящие специалистов в конкретной области, утратили координирующие их деятельность центры, потеряли возможность получать оперативные ответы на возникающие ежедневно вопросы, лишились возможности периодически собираться вместе и принимать совместные решения. Инициатива проведения Общероссийских методических совещаний, пока не имеющая никакого официального статуса и являющаяся сугубо общественной инициативой, может сегодня оказаться очень полезной. Предполагается, что второе ОМС «Структура и содержание подготовки переводчиков» пройдет предстоящей осенью в МГЛУ. Разговор на нем будет очень простой: как обучать переводчиков.